

18+

Владимир Белов
Ирина Рынкова
Наталья Казакевич
Ясна Мамичкина
Матвеевна Рунасова

ВЕЩИ и СУДЬБЫ

Истории
из жизни

Пётр Федоров
Галина Фомина
Олеся Турин
Галина Чепыгина

**Галина Фомина
Ясна Малицкая
Пётр Фёдоров
Владимир Белов
Наталья Казакевич
Оляна Гурич
Галина Чаплыгина
Татьяна Рупасова
Ирина Рынкова
Вещи и судьбы.
Истории из жизни**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68954559
ISBN 9785005971104*

Аннотация

Сборник «Вещи и судьбы» – это рассказы, написанные группой авторов в рамках работы онлайн-клуба «Истории из жизни». Рассказы получились очень разные: есть где посмеяться, есть где всплакнуть над тяжёлой долей героев, есть чему поучиться, но все они живые, яркие и будут интересны широкому кругу читателей.

Содержание

Маяки нашей памяти	6
РАССКАЗЫ	10
СНОВА В СТРОЮ	12
ЖЕЛЕЗНАЯ ХВАТКА, ИЛИ СТРАСТИ ПО ЛЮБОПЫТСТВУ	19
ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ	26
ПАУТИНКА	33
УТРО, ГОЛОСА И ЗВУКИ	40
КЛЮЧИ ПОД КОВРИКОМ	45
ДОМОТКАНОЕ ПОЛОТЕНЦЕ	54
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Вещи и судьбы

Истории из жизни

Авторы: Малицкая Ясна, Белов Владимир, Гурич Оляна,
Казакевич Наталья, Рынкова Ирина, Рупасова Татьяна, Фё-
доров Пётр, Фомина Галина, Чаплыгина Галина

Редактор Лариса Ритта

Корректор Людмила Шилина

Дизайнер обложки Иван Малинин

© Ясна Малицкая, 2023

© Владимир Белов, 2023

© Оляна Гурич, 2023

© Наталья Казакевич, 2023

© Ирина Рынкова, 2023

© Татьяна Рупасова, 2023

© Пётр Фёдоров, 2023

© Галина Фомина, 2023

© Галина Чаплыгина, 2023

© Иван Малинин, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0059-7110-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Маяки нашей памяти

От составителя

Дорогие читатели!

Перед вами долгожданный сборник рассказов, написанных участниками нашего литературного клуба «Истории из жизни». Это сообщество сложилось во время моего авторского курса «Мемуары», в проекте «Московское долголетие». Позже сообщество перекочевало с широких просторов в уютную гавань закрытого онлайн-клуба, где мы изучаем писательскую теорию, делаем упражнения, общаемся, встречаемся с писателями и другими интересными людьми, вспоминаем яркие эпизоды из жизни и учимся их описывать так, чтобы было интересно читать.

Человек не может существовать без своего прошлого. Внутри нас живут сотни историй, которые оживают, стоит лишь зажечь маяки нашей памяти. Чаще всего такими маяками становятся вещи. Дорогие нашему сердцу предметы, наполненные воспоминаниями о близких людях, о тех, кого уже нет с нами, есть в каждом доме. Лишь прикоснёшься, сотрёшь пыль прожитых лет, как память уносит вдаль, в беззаботное детство, в беспечную молодость – и ты уже слышишь голоса родных, близких людей, вновь видишь их лица...

Стоит лишь погрузиться в воспоминания, как распахнёт-

ся прошлое и хлынут истории, и будут сплетаться в сюжеты. Что за тайны хранит бабушкин сундук? Какие времена помнит старый кухонный шкаф? О чём нам расскажут вышитое льняное полотенце, маленький ножичек, пианино и даже самые обыкновенные ключи от квартиры? За каждым предметом стоят удивительные истории из жизни. Длинные или короткие, драматические или смешные. Горькие, светлые, весёлые – разные. Но все без сомнения – тёплые, живые и трепетные.

Прикоснитесь и вы к вещам, сохранившим воспоминания авторов сборника. Почувствуйте ту эпоху, которая скоро будет безвозвратно утрачена, если не сохранится в таких вот рассказах, в историях, в памяти следующих поколений. И пусть маяки нашей памяти светят ярко, с теплом и любовью, в будущие века.

Ясна Малицкая

Разглядываю нарядную ёлку. Как научились делать,

совсем как настоящая!

Разноцветье шаров, дождик, гирлянды... Множество забавных современных игрушек. Остановилась взглядом на бусах. Они не сегодняшние – ещё советские. Из хрупкого дутого стекла.

Зеркальные шарики то мелкие, с брусничину, то крупные, с орех. И нанизаны на нитку довольно хаотично: несколько одинаковых, а потом одна-две выбиваются из ровного ряда. Видимо, часть их уже разбилась.

Между шариками узкие разноцветные трубочки. Одни нетронуты временем, гладкие, у других отколотые острые края, словно рваные раны, оставленные временем.

Ощущение неуместности этих бус среди дорогих небьющихся модных игрушек усиливает легкомысленная мишура.

И вдруг гирлянда зажглась, заморгала спросонок.

И в каждом шарике старых бус заиграл огонёк жизни, здешней, сегодняшней. В каждой бусинке свой мир – немного неправдоподобный, праздничный – но свой. То тёмное заоконье сквозь туман занавески, то стол с учебниками, то неваляшка на диване, то моё и не моё лицо... На всей ёлке только бусы – живые.

Подумалось вдруг, что моя память, как эти бусы, захватывает события из прошлого, освещает их нынешней мудростью.

И кажется, пришло время собирать бусины на крепкую нить прожитых лет...

ГАЛИНА ФОМИНА

РАССКАЗЫ

ВЛАДИМИР БЕЛОВ

“

*Учись у прошлого,
живи сегодня,
верь в будущее.*

СНОВА В СТРОЮ

Издревле человек заботился о себе, чтобы выжить в дикой природе. И первым помощником ему в этом трудном деле служила одежда.

Одежда с нами с первых дней жизни. Она согревает в стужу, наряжает для торжества, провожает в последний путь.

Но есть особый вид одежды – военная форма.

И пусть у неё менялся покрой и материал, знаки отличия и символика. Но неизменным остаётся только одно, главное: будь то офицер или рядовой, ты сразу узнаешь: вот он, защитник и опора Родины. Примеряешь форму и чувствуешь, как на плечи ложится груз ответственности за страну. И сердце наполняется гордостью за свою причастность ко всем тем людям, которые, не щадя жизни, ковали славу Отечества.

Отслужив срочную на Северном флоте, я не расстался с формой. Бережно хранил и каждое последнее воскресенье июля, в день Военно-морского флота, с утра пораньше доставал её. Осматривал и, если было необходимо, проводил «проворачивание»: чистил и гладил, проверял пуговицы, чтобы не болтались на сиротливой ниточке.

И вот клёш, чёрный, словно смоль, отутюжен. Бляха с якорем блестит, как медный самовар. Форменка с погонами старшины 2-ой статьи украшена знаками «Отличник ВМФ»

и «За дальний поход». Из ворота выглядывают полосы «морской души: так издавна прозвали тельняшку. За плечами гюйс – тёмно-синий с тремя белыми полосками воротник – на котором на память остались подписи друзей по службе. Самопальная бескозырка из шерстяной ткани с лентами до пояса лихо прилепилась на затылке. Взгляд в зеркало:

– Хорош?

– Старшина, ремень поправь! – строгим голосом отзываются брюки.

– И меня, – вторит бескозырка.

Тут и форменка свои пять копеек вставляет:

– И вообще, вид неуставной. Волосы до плеч...

– Ой-ё-ёй! – отвечаю всем сразу. – Кто бы про Устав говорил. Забыли, как по ночам втихаря перекроили вас? Где надо – вставляли, где лишнее – отрезали. Ишь, Устав они вспомнили. А «Золушку» свою не забыли? Робу рабочую, в которой вся служба прошла, забыли? Вы пайол драили металлической пудовой щёткой? Горячие котлы в машинном отделении чистили? Что вы видели, кроме торжественных построений и нескольких увольнений в Североморске?

– Мы с тобой Фиделя Кастро слышали на митинге в Гаване, – возражает парадная форма, – и в Касабланке на берег сходили, и в Конакри...

– А она как атлантическая селёдка просолена моим потом. Продолжаю шуточный спор с формой, а на самом де-

ле люблю её. Не только за то, что красива и нравится девочкам. Люблю потому, что с ней довелось стать в единый строй офицеров и матросов, которые со времён парусных судов и по сей день несут нелёгкую службу в морях и океанах.

И пусть три белые полосы на гюйсе как символ о трёх величайших победах всего лишь легенда. Зато какая красивая! Те победы не забыты: Гангут, Чесменская битва, Синопская бухта.

Поправляю ремень и бескозырку. Последний взгляд в зеркало. Со звуками марша «Прощание славянки» правая рука у виска:

– К параду готов!

За пять лет, проведённых в Танзании, форма заскучала без внимания. Да и я к тому времени раздался вширь. В форменку, которую подгонял по фигуре двадцатилетнего пацана, еле втиснулся. Нитки не выдержали, и швы разошлись, как в море корабли. Брюки, в которые тайком от командира группы вшивались клинья, погибли в сражении с прожорливой молью. Это был жестокий удар по памяти о бывшей флотской службе, а новость о судьбе родного корабля, с которым было пройдено более пятидесяти тысяч миль, сразила наповал. И морским прибоем нахлынули воспоминания...

...Лихие девяностые, развал Союза. Армия и флот никому не нужны. В девяносто втором году БПК «Адмирал Макаров» вывели из состава боевых единиц ВМФ, а в девяносто четвёртом продали какой-то индийской компании на металлолом. Но корабли предпочитают умирать в родной стихии. В Норвежском море в шторм «Адмирал Макаров» оборвал буксировочные концы и затонул.

Мне не было стыдно за слёзы горечи и обиды. Мне было стыдно за страну, которая забыла крылатую фразу: «У России есть только два союзника – армия и флот». Вот так: боевой корабль, гроза американских подводных лодок – и на металлолом... А за его именем тянулся длинный героический след.

Первым «Адмиралом Макаровым» стал в девятьсот шестом году броненосный крейсер Балтийского флота, снискавший славу у берегов Италии. Сильнейшее землетрясение девятьсот восьмого года уничтожило город Мессину. Эскадра российского флота, находившаяся в восьмидесяти милях, пришла на выручку к пострадавшим раньше всех.

Прямо на берегу были установлены столы, на которых корабельные врачи оказывали первую медицинскую помощь, делали операции, накладывали повязки. Спасательные команды с кораблей разбирали завалы, рискуя своими жизнями, вытаскивали раненых из-под шатающихся стен. Экипаж с «Адмирала Макарова» был среди первых.

Там, вдали от Родины, сплелись воедино мужество и отвага, смелость и бесстрашие, сострадание и милосердие. Всё то, что было присуще российским морякам и при Петре I, и при обороне Севастополя, и в годы Великой Отечественной.

Вторым кораблём, носившим имя Степана Осиповича Макарова, стал трофейный лёгкий крейсер «Нюрнберг», на котором осенью сорок шестого года был поднят советский военно-морской флаг. «Адмирал Макаров» не раз занимал призовые места в артиллерийских стрельбах по береговым, морским и воздушным целям. В дни празднования годовщин Октябрьской революции крейсер вставал на якорь напротив Исаакиевского собора и производил артиллерийские салюты.

На третьем большом противолодочном корабле «Адмирал Макаров» мне довелось служить во времена его молодости. Расскажу только о том, чему был свидетелем и участником.

С июня семьдесят четвёртого года в составе отряда кораблей мы выполняли задачи боевой службы в районах Средиземного моря, Центральной и Южной Атлантики. В январе семьдесят пятого вернулись в Североморск. По итогам года БПК «Адмирал Макаров» занял первое место в соревнованиях на первенство флота в поиске подводных лодок.

А седьмого ноября семьдесят пятого года по сигналу тревоги вышли в море. Выполнили поставленную задачу – а нам

новый приказ. Из северных морей в южные широты. Гвинея и Ангола. Где разгорались конфликты, там мы и несли боевое охранение. В Североморск вернулись в начале июля семьдесят шестого года.

Несмотря на все тяготы флотской службы, я навсегда проникся чувством гордости за свою страну. Корабль научил меня не сгибаться и стоять плечом к плечу в едином строю защитников Родины.

Время с каждым годом убыстряет бег. Календари сорят днями, как в осенний листопад. Я уже седой, и лёгкая плешь пробилась сквозь бывшие когда-то густыми волосы.

Но по-прежнему в последнее воскресенье июля в день ВМФ достаю из шкафа бескозырку. Расправляю чёрные с золотыми якорями ленты. Тельняшка, пережившая множество штормов в стиральной машинке, как прежде, готова согреть меня. Потерявший былую яркость гюйс привычно ложится на плечи. Форма стала той ниточкой, которая навсегда связала с флотской семьёй.

Я точно знаю, что где-то в океане несёт боевую службу корабль со знакомыми буквами вдоль бортов. Это четвёртый «Адмирал Макаров» под Андреевским флагом на страже Родины. Выпрямляю спину. Грудь вперёд. Правая рука у виска. Мы снова в строю!

ЖЕЛЕЗНАЯ ХВАТКА, ИЛИ СТРАСТИ ПО ЛЮБОПЫТСТВУ

У меня нет особых талантов.

Я всего лишь чрезвычайно любопытен.

Альберт Эйнштейн

Помните себя в детстве, когда каждый день превращался в увлекательное приключение с поиском ответов на тысячи «зачем» и «почему»? Не обременённые школьными знаниями, мы были первооткрывателями окружающего мира. Моё детство пришлось на начало шестидесятых годов прошлого века. Время больших строек. Котлованы, вереницы грузовиков, гусиные шеи кранов, крики: «Майна! Вира!»

Мы получали первые представления о сопромате, когда из металлических прутков гнули полозья для катания с горки. Первые химические опыты проходили не в школьной лаборатории, а за котельной, где, прячась от взрослых, закупоривали бутылку с водой и карбидом. Но тернисты пути первопроходцев. И полны коварных ловушек...

Эта история приключилась со мной летним жарким днём. Мне было лет семь. Отец работал помощником машиниста в метро, и я всё просился посмотреть, что же это за работа такая, на которую он то уходил среди дня, то не возвращался и ночью.

И вот свершилось! Я сидел в кабине состава рядом с машинистом. Как замороженный, глядел в летящую навстречу темноту туннеля. Из мрака, словно вспышки выстрела, проносились редкие фонари. В свете прожектора блестели длинной лентой рельсы.

Кажется, я забывал дышать, пока состав нёсся от станции к станции. Платформа, остановка, вдох... И вперёд! Как в космос, в темноту туннеля...

Волшебство было недолгим – состав отправился в депо. Пока папа с машинистом передавали смену, меня оставили в курилке, строго наказав никуда не отлучаться.

Ага! Легко сказать, когда рядом такое увлекательное действие происходит: перегоняют вагоны с места на место, гремя сцепкой. Из соседних ворот вытягивался блестящий на солнце мытыми боками состав.

Я как следопыт крался вдоль забора, за которым прямо передо мной открывалось то, что ни один мальчишка не видел. Мимо катились колёсные пары с тормозными башмаками, массивные токосъёмники. Всё, что обычно скрыто под платформой, что простым смертным недоступно, проплывало перед глазами.

«Надо всё получше разглядеть! – пронеслось в голове. – Будет чем похвастать во дворе».

И голова моя скользнула между толстыми металлическими прутьями забора. Сколько я так простоял с широко раскрытыми глазами, не скажу. В реальность меня вернул голос

за спиной:

– Пацан, ты чего тут делаешь?

От неожиданности дёрнулся назад, а голова застряла. Уши не пустили.

– Я с папой пришёл, – промямлил едва слышно, – и вот...

А сам и так и этак ужом крутился... Все напрасно

Тут кто-то ещё подошёл:

– Э, парень, крепко ты влип...

Стали они пытаться выволить меня из капкана. То поднимали, то поворачивали, то уши мяли. Всё впустую. Толстые железные прутья мёртвой хваткой держали добычу. А народу прибавлялось. Все советы давали.

– Маслом голову намазать...

– Ремня всыпать – и сам выскочит!

– Точно, пока поза удобная! – хохотали вокруг.

– Не, ребята, раз уши мешают, придётся резать, – заявил со вздохом кто-то.

Я был не из пугливых, на стройке прыгал со второго этажа в кучу песка и не боялся. Но тут... Не выдержал и залился горькими слезами:

– Ой, дяденьки, миленькие! Не надо уши...

Кто-то легонько похлопал по спине:

– Тихо, паря, будешь ты с ушами.

И скомандовал:

– Так, мужики! Хватит воду толочь, надо парнишке помогать. Давай в цех, тащите инструмент. Да отца поищите.

Живей только!

У меня душа в пятки камнем упала, а сердце птицей забилось, просясь наружу. Встреча с папой в таком положении после наказа никуда не отлучаться в мои планы никак не входила. Ещё это слово «инструмент»! Оно напомнило недавний поход в зубной кабинет с жужжащей бормашиной.

Не могу сказать, что из этих двух зол вызывало больший ужас, но деваться было некуда. Пришлось безропотно ожидать своей участи.

Над головой вскоре опять заговорили:

– Держи дюймовку, а я газовым натяну... Так, пошла по-маленьку...

– Мальца не зашиби! Придерживай!

Все эти слова мне были непонятны, но вселяли надежду на скорое освобождение. Что-то скрипело, кто-то пыхтел, орудуя руками у меня над головой. И вот прутья, державшие голову в плену, вдруг дрогнули и, словно от могучих рук невидимого великана, подались. Меня подхватили на руки, приподняли над землёй и выудили из западни.

Я свободен! До конца не веря своему счастью, я трогал уши: на месте ли? Восторг от освобождения и благодарность ко всем этим людям переполняли меня:

– Спасибо, дяденьки, спасибо!

Я готов был расцеловать их всех. Даже того, который про ремень и всыпать говорил. Да и того, что резать предлагал, тоже расцеловал бы.

Тут словно ушат холодной воды на меня вылили.

– Ну, отец, принимай своё сокровище, – весело пробасил рабочий, передавая меня в руки примчавшегося папы.

«Что сейчас будет...» – подумал я и сжался до макового зёрнышка. По крайней мере, так казалось. Папа что-то говорил строго и сердито, нежно прижимал к груди и ласково поглаживал по голове. Буря, как я понял, прошла стороной, и можно было вздохнуть с облегчением.

Теперь меня интересовало только одно: кто же меня спас из мёртвой хватки железных прутьев?

Где эти сильные руки, справившиеся с неподатливым металлом? Искал глазами среди рабочих богатыря, как в сказках описывали, правда, без кольчуги. Крутил головой по сторонам. Никого похожего на Илью Муромца не было. Даже на Алешу Поповича никто не походил.

– Пап, а кто такой сильный меня спас? Он уже ушёл?

– Нет, здесь он, – и позвал: – Михалыч!

Подошёл, чуть прихрамывая на левую ногу, невысокого роста сутулый дедок с потухшей папиросой в зубах. Он смотрел на меня удивительно добрыми глазами и улыбался:

– Ну что, пострел, испужался?

Я был потрясён. Как это? Никакой не богатырь. Где могучие руки, которыми подковы разгибают? Где косая сажень в плечах?

Папа подтолкнул меня.

– Ты что-то сказать хотел?

Я настолько был сбит с толку видом спасителя, что пробубнил невпопад:

– Э... Михалыч... Привет...

По дороге домой я смиренно выслушивал назидательные нравоучения и со всем соглашался. В голове никак не укладывался образ Михалыча и могучие руки, которые раздвинули прутья. Не волшебник же он, я не маленький, чтобы в такое поверить. Уже подходя к дому, спросил:

– Па, а как же ему удалось? Старенький ведь. Откуда силы?

Отец засмеялся:

– Сила, сынок, не только в мускулах. Наш Михалыч умом силён. Ты знаешь, что такое домкрат?

– Ага, машину поднимает.

– Точно! Михалыч придумал такой домкрат, который прутья раздвинул. Отрезок трубы и болт с гайкой.

Как оказалось, ничего волшебного – сила мысли.

Детям присуще любопытство. Они входят в непознанное пространство и стремятся узнать как можно больше. Но как часто из-за взрослого равнодушия эта жажда ребёнка затухает. Не ломай! Не трожь! Тебе ещё рано! Не сейчас! И всё, угас огонь в глазах. Не будет нового Эйнштейна, Королёва, Алфёрова.

Берегите ту детскую страсть любознательности. Не забывайте себя в детстве, когда каждый день превращался в увлекательное приключение с поиском ответов на тысячи «за-

чем» и «почему».

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Лишь только опустилась ночь за окном, дом, весь день гудящий, словно пчелиный улей, успокоился и приготовился ко сну. Все обитатели разошлись по своим комнатам.

В детской безмятежно сопели курносыми носами трое ребятшек. Их мама, молодая ещё женщина, поправила одеяла, выключила ночник и вышла в спальню. Только сон не приходил к ней. Лежала рядом с заснувшим мужем и снова и снова переживала размолвку, которая произошла перед обедом.

Начиналось-то с пустяка: ударилась об угол буфета и тарелку с борщом для мужа разлила. Теперь то ли оправдывала себя, то ли корила: «Как день начался, так и пошёл кувырк! Оладьи с утра подгорели, младшая куклу потеряла, старший штаны на заборе разодрал. Да ещё этот буфет, пропави он пропадом!»

На кухне стоял, как и много лет до этого, старый буфет с потёртостями на лаковой поверхности, с треснувшим стеклом в верхней левой дверце, со скрипучими петлями. Никто уже не ведал, когда он появился в доме. Для всех он был частью дома, такой же, как крыша или стены.

Не одно поколение выросло рядом с ним. Он хранил семейную историю в своих недрах: и дореволюционные чёрно-белые фотокарточки, и пожелтевшие от времени подзо-

ры, и потрепанный от частого перелистывания Псалтырь, и свёрнутые в трубочку перетянутые бечёвкой грамоты за ударный труд. И прочее, прочее, скопившееся за десятилетия. Вроде бы никому не нужно, а рука не поднималась выбросить.

Женщина вспоминала, как сорвалась, потирая ушибленное бедро, и нагрубила отцу:

– Да сколько можно хранить эту рухлядь? Полкухни занимает, а проку от него, как от козла молока. Забит барахлом, дверцы не закрываются. Пап! Когда ты избавишься от этого уродца вместе со всем содержимым?

За стеной кухни у себя в комнате маялся старик. Не давали покоя слова дочери, брошенные сгоряча. Раз такое сорвалось с губ, значит, давно зрело. Он вышел на кухню, набрал воды в щербатую кружку. Достал из ящика буфета пузырьёк и накапал валерьянки.

– Ну что, уважаемый, скажешь, – обратился к буфету, – как жить будем? Старье никому не нужно...

Буфет скрипнул дверцами:

– Дочка права. Молодые хотят прожить свою жизнь. Не мешай им, смирись.

Старик выпил валерьянку и задумался, сидя за столом. Он знал каждую трещинку, каждый скол на теле буфета. Он помнил, как бабушка, словно волшебница, извлекала из выдвижного ящика сладкого петушка на палочке. Как зимними вечерами из ящика буфета доставали холщовый мешочек

с бочонками лото и начиналась весёлая игра. Помнил, как с отцом пилили, строгали и прилаживали вместо подвернувшейся ножки новую. Его мысли унеслись в далёкое прошлое, где были живы бабушка и родители, где он сам был юным и беззаботным...

В другом крыле дома бледный свет луны пробивался сквозь куст сирени в окно спальни, высвечивая лицо молодой женщины. Она наконец заснула, и снился ей огромный, словно железнодорожный пульман, буфет. Он с укором говорил о незаслуженно нанесённой старику обиде:

– Ты пойми, девочка, у него и осталось радости в жизни – внуки, когда вы приезжаете, да воспоминания бесконечными зимними ночами. Я не просто старый буфет. Во мне хранятся секреты и истории многих жизней. И твоих отца с мамой. Вот чашка с щербинкой по краю. Он берёт её и ощущает тепло маминых рук, державших эту чашку когда-то. Вот шкатулка, где хранятся боевые награды. Сколько раз твой дед рассказывал отцу о той жестокой войне. Вот жестяная банка с пуговицами. Он помнит, как бабушка высыпала содержимое перед ним на столе и уходила по своим делам, а он часами перебирал это богатство, сочиняя истории о хозяевах этих пуговиц. Не лишай его радости. Человек жив, пока помнит...

Пропели петухи. Солнце брызнуло в окна дома и рассыпалось мелким бисером сквозь ажурные занавески. За столом, понуриив голову, сидел старик. Скрипнула дверь, в кух-

ню вошла дочка.

– Папа! – И кинулась к нему.

Старик резко поднялся.

– Доча!

– Прости меня! – одновременно воскликнули они.

– Пап, мир?

Старик улыбнулся:

– Конечно, мир!

Старый буфет хитро ухмыльнулся:

– Как жили, так и будем жить!

Вечером после ужина вся семья чаёвничала за столом.

Старик вздохнул и словно невзначай бросил:

– Да разве так чай гоняли раньше...

– Пап, а ты ребятам расскажи. Им интересно будет.

Дед оглядел внуков, подошёл к буфету и достал из ящика щипчики для колки сахара. Маленькие, потемневшие от времени, но по-прежнему «кусачие».

– Знаете, что это?

Зять попытался открыть рот, но жена мягко остановила его.

– Нет? – Старик подмигнул внукам. – Тогда слушайте...

Недопитый чай давно остыл, а старик говорил и говорил. Про огромные, килограмм на пять, сахарные головы, которые кололи молотком на куски. Как шумел на столе самовар, наполняя воздух ароматами еловых шишек. Как от сахарных кусков вот этими кусачками отщипывали малюсень-

кий кусочек и, положив его за щеку, пили обжигающе горячий чай. Рассказывал про секреты заваривания травяных сборов, об их чудодейственной силе. Дети забыли про игрушки и про мультики. Сидели разинув рты.

– Пап! – шепнула дочка. – Уже поздно. Пора спать ребятам.

Дед глянул на часы, на внуков:

– И правда, пора.

– Ну, мам, ещё чуть-чуть, – заканючили дети.

– Спать, спать, спать! А завтра попросите дедушку, он вам ещё что-нибудь расскажет.

– Деда, расскажешь? – наперебой закричали внуки.

Старик открыл буфет, и на глаза ему попался увесистый утюг. Без проводов и регуляторов. Тот самый, которым самому довелось махать, чтобы угли не затухали и утюг не остывал.

– Обязательно расскажу, – промолвил с улыбкой дед и закрыл волшебную дверцу.

Ночь бесшумной тенью прокралась в дом. Тишина и безмятежность вступили на смену детскому смеху и звону посуды. Лишь на кухне был чуть слышен шёпот.

– Ну, что, уважаемый, скажешь? – нежно поглаживая облезлый бок буфета, спросил старик. – Не зря хранил свои тайны? Видал, интересно им!

– Знаешь, – отозвался буфет, – всё повторяется. Я столько раз на своём веку это видел...

Стараясь не шуметь, вошла дочь. Заметив отца, замерла на секунду, словно пойманный на месте воришка.

– Па! Я тут подумала, может, и мне что-нибудь сохранить в твоём буфете?

Тихо потянула выдвижной ящик и спрятала в глубине девичий дневник, чудом уцелевший со школьных лет.

– Там про вас с мамой много написано. Да и про меня есть. Пусть полежит пока. Время придёт, читатели найдутся...

Старый буфет, с потёртостями на лаковой поверхности, с треснувшим стеклом в верхней левой дверце, со скрипучими петлями подумал:

– Вот и ещё одна ниточка в клубочек памяти вплелась. Видно, рано мне на покой. Поскрипим, однако. Жизнь продолжается!

ИРИНА РЫНKOBA

“

*Это всё не придумано.
Это всё мною прожито.*

ПАУТИНКА

Гардеробная получилась маленькая, но удобная. Место нашлось для всей одежды: уличной, домашней и даже дачной. Наконец-то вещи расположились в стройном порядке: на вешалках пестрят кофточки, блузочки, свитера и толстовки. Сбоку, в строгом молчании, висит серо-синяя офисная одежда. Но когда сюда захожу, мой взгляд скользит на верхнюю полку, где среди шляп и шапочек, дыша своей воздушностью, лежит небольшой свёрток. Глядя на него, я иногда забываю, зачем пришла.

В редкие минуты тоски или грусти достаю этот мягкий, почти невесомый комочек, разворачиваю – и передо мной появляется белый ажурный пуховый платок, связанный моей матерью. Тончайший платок с таким же кружевным названием, как и он сам, – «паутинка». Прозрачный пух, сплетённый в замысловатый рисунок из ромбиков, улиток, дырочек...

Я храню эту паутинку, как память о доме, память о родителях и никогда её не ношу, я ею согреваю свою душу. Прижимаюсь к ней щекой, втягиваю в себя еле слышный аромат апельсиновых корочек, неуловимый домашний запах чего-то родного, близкого. И такого далёкого сейчас.

...Сухие апельсиновые корочки и бутоны гвоздики мама раскладывала по пакетам, где хранились связанные её руками мягкие и красивые платки, шали, шарфы, палантины. По-

сле работы, переделав все домашние дела и уложив нас с братом спать, она перед сном на пару часов садилась за стол, чтобы заняться любимым делом: перебирать пух, прясть, вязать. Сейчас бы сказали: хобби. Мама называла это отдыхом.

Идя в гости, на вечеринки, на свидания, я наряжалась: накидывала на себя мамину паутинку. Она невесомо ложилась на модные в то время начёсы, не нарушая сооружённую причёску, ажурные зубчики платка создавали вокруг лица ореол таинственности и возвышенной красоты. Наброшенная на плечи, паутинка своим прозрачным узором делала любую одежду нарядной. И, конечно же, согревала, как сейчас согревают меня эти воспоминания.

...Поздний вечер, лампа под ярким оранжевым абажуром освещает стол с сугробом белого пуха. Специальными чёсками, утыканными маленькими закруглёнными иголочками, мама расчёсывает шарики пуха, пока они не станут лёгкими и прозрачными. Нежная белая гора чуть колыхнется от её мерного дыхания и плавного движения рук. Тонкие, красивые руки, как крылья птицы, быстро машут чёсками, превращая мягкий пух в лёгкое воздушное облако. Потом в её руках закрутится веретено, из пушистого комочка потянется тончайшая нить. И вот уже мелькают спицы, иногда издавая тихий металлический звук, соприкоснувшись друг с другом.

Я почти засыпаю под эти звуки, но сквозь приоткрытую дверь вижу маму, склонившуюся за столом. Рядом с ней на диване свернулся кот. Он, как и я, почти спит, но посто-

янно приоткрывает один глаз и следит за мельканием спиц. Тихонько ждёт, когда можно будет что-то стащить и поиграть. Выждав момент, он стремительно хватает мягкий клубочек и прячется под столом. Мама осторожно, чтобы никого не разбудить, пытается уговорить его или вытащить из-под стола.

Но чем дальше катится клубок, тем азартнее становится кот, устремляясь за ним. Работы маме прибавляется – нити в клубке лохматятся и свисают рваными концами. Кот в наказание выдворяется в коридор. Под редкий стук спиц или жужжание веретена я засыпаю, и образ кота тихо перебирается в мои сновидения. Сон накрывает меня невесомым облаком белого пуха, которое заполняет все вокруг...

Когда мама постирает связанную паутинку, они с отцом растянут на пальцах ажурное полотно. Пяльцы отец делал сам из деревянных гладких брусков – добротные, крепкие, большие, до полутора метров по одной стороне. Каждый зубчик паутинки крепился гвоздиком, и в деревянной раме возникала тончайшая картина, как лёгкий узор первого морозца на оконном стекле.

Эта огромная воздушная конструкция занимала большую часть комнаты. Проходить мимо натянутой паутинки надо было с особой осторожностью, чтобы не зацепить её и не порвать тонкие, как струна, нити пуха. Мама строго следила, чтобы случайно никто не задел пяльцы, но пройти мимо и не провести рукой по туго натянутому полотну было

невозможно. Я прятала руку за спиной и украдкой пальцем касалась платка. Палец скользил по шелку нитей. Я вместе со всеми ждала, когда платок высохнет.

Высушенный платок мама осторожно снимала с пальцев. Начиналось самое интересное: платок должен был пройти главную проверку на качество. Затаив дыхание, я смотрела, как папа снимал с пальца обручальное кольцо и пропускал через него паутинку. И как всегда, она была настолько тонкой, что проходила сквозь кольцо с лёгкостью.

Спицы и пуховые нити сопровождали маму везде: в командировке, на отдыхе. Приезжая из очередного санатория, она обязательно привозила адрес, по которому отправлялась связанная ею паутинка. А в ответ ей присылали даже не деньги, а книги. Из такого «товарообмена» часто возникала дружба на многие годы, и в оба конца шли письма. Они приходили редко, но им всегда были рады и читали о чужой жизни, словно повесть.

Книги в семье любили все, а для мамы они были вторым увлечением. Она следила за новинками, выписывала не только «Огонёк» и «Работницу», которые были почти в каждом доме, но и толстые журналы «Роман-газета», «Москва» и «Нева». Всё прочитывалось, а лучшие произведения, напечатанные в журналах, переплетались одним томом. Именно по таким «домашним книгам», переплетённым вручную, я знакомилась с произведениями Артура Хейли, Рэя Брэдбери, Валентина Распутина.

Много самодельных книг я бережно храню до сих пор в книжных шкафах. Пока вещи из родительского дома со мной, прошлое живёт в моей памяти знакомыми с детства переплётами, связанными мамой платками.

Прижимаю паутинку к себе, и словно опять вижу в круге вечернего света мамину голову, склонённую над вязанием. Тяжело принимать, что её больше нет. Нигде! Жизнь продолжается, как и прежде – работа, дом, магазины... Я боль-

ше никогда не услышу её голос, и только прозрачный платок окутывает теплом родительского дома и связывает меня с тем миром, откуда я родом.

Ещё раз вдыхаю родной запах, аккуратно сворачиваю паутинку и бережно возвращаю на полку.

Она по-прежнему согревает меня.

УТРО, ГОЛОСА И ЗВУКИ

Утро в нашем доме начиналось очень рано. Вся страна просыпалась под бой курантов на Спасской башне Кремля и позывные точного времени. Из репродуктора звучал голос диктора: «Говорит Москва. Московское время шесть часов».

Репродуктор – небольшая пластмассовая коробочка – висел на кухне, высоко на стене, почти у потолка, и никогда не выключался. Под звуки, доносящихся из него песен, оперных арий, сообщений о выполнении плана по уборке зерна проходила жизнь страны. Под эти звуки варили, жарили, завтракали, обедали, ужинали.

Радиовещание начиналось с коротких новостей и передачи «Утренняя гимнастика». Бодрый голос диктора командовал: «Руки на пояс, ноги на ширину плеч!» – и все должны были выполнять упражнения. Через несколько лет эта передача будет увековечена в песне Владимира Высоцкого «Утренняя гимнастика», и вся страна весело запоёт: «Вдох глубокий, руки шире, не спешите-три-четыре!..»

Под звук репродуктора, тихий стук посуды, негромкий разговор матери с отцом я просыпалась. Сквозь штору пробивалась тонкая полоса света, из кухни доносились запахи приготовленного завтрака. С трудом я пыталась разлепить веки. Нет, глаза не открывались, я опять проваливалась в сон. Родители по очереди спешили разбудить меня.

«Пора вставать, доча!» – громко говорила мама, заглядывая в мою комнату. Отец подходил, трепал меня по плечу: «В школу пора, вставай!» Так до конца и не проснувшись, я выходила на кухню. Здесь уже начинался новый день. Папа вставал раньше всех, растапливал остывшую за ночь печь. Когда все просыпались, дом был наполнен теплом.

Через запутанные во сне волосы я пыталась увидеть кухню, родителей. В печке буйно полыхали языки пламени, поджаривая раскалённые до красноты брикеты угля. На небольшой плите, или, как бы сейчас сказали, «варочной поверхности» печи, уже стояла королева нашей кухни – большая чугунная сковорода, без которой не обходился ни один наш семейный день.

На ней горкой румянилась поджаристая картошечка, рядом фыркали сочные котлеты, тут же красовалась глазастая оранжевая яичница. Из репродуктора звучала команда: «Бег на месте!..» Жизнь была ключом, одна я всё никак не могла проснуться. Никаких сил на бег – пусть даже на месте – у меня не было совсем, поэтому, не дожидаясь команды «переходим к водным процедурам», я шла к умывальнику.

Кое-как умывшись и одевшись, подходила к столу, в центре которого уже красовалась горячая сковорода. И мама стройная, красивая, переделавшая к этому времени массу домашних дел, смеясь, говорила: «Смотри, доча, как мужа будешь удивлять. Никто не может приготовить столько блюд на одной сковороде».

Всё ещё с полузакрытыми глазами, почти на ощупь, я пробиравась на своё место между столом и холодильником, сонно смотрела на это красивое, ярко-оранжевое блюдо, сверкающее каплями жира. Есть совершенно не хотелось, я думала только о том, как вернуться в кровать, завернуться в мягкое одеяло и не вставать до вечера.

Но вдруг всё менялось: из репродуктора звучали знакомые позывные радиостанций. Начинались утренние программы передач. Юмористические рассказы сменялись песнями, отрывками из радиоспектаклей. И я, не успев проснуться, погружалась в мир музыки, оказывалась то в зрительном зале, то на театральных подмостках.

Передо мной пролетал лёгкий силуэт загадочной девушки из романа Грина «Бегущая по волнам», возникал марсельский порт, судно «Фараон», молодой моряк из романа Дюма «Граф Монте-Кристо»... Девушки, красавцы-моряки, фрегаты – все смешивалось в одну длинную нескончаемую сказку...

Родители собирались на работу, торопили меня. А я с открытым ртом слушала, как на невидимой сцене, под звуки таинственной музыки наследница престола красавица Турандот необыкновенным голосом Юлии Борисовой загадывает загадки своим женихам и отправляет их на казнь.

Министры Тарталья и Панталоне перекидываются островами, заразительно смеются. Принц Калаф, готовый бороться за любовь Турандот, бархатным голосом Василия Ланового

вого с болью восклицает: «Я жажду смерти или Турандот!» Он разгадывает три загадки жестокой принцессы, я радуюсь за принца, жду восхищения принцессы, слов о том, что он избежал казни...

Но – в прихожей меня уже ждёт мама. Пора в школу. С трудом отрываюсь от стула, вылезаю из-за стола, медленно натягиваю пальто, долго вожусь с пуговицами, завязками и выхожу из дома.

На улице едва брезжит, ещё сохраняется сумрак раннего утра, вся соседская детвора давно пробежала в сторону школы, и только лай собак из соседних дворов заставляет меня вернуться к действительности и торопиться к началу уроков. Голоса из репродуктора стихают и остаются где-то далеко, я уже слышу шум школьного двора и настойчивый треск звонка, заставляющий всех расходиться по классам. Начинается новый учебный день. Мои недослушанные сказки остаются за порогом школы.

...Они уходят всё дальше и дальше – недослушанные в детстве сказки, утренние звуки старого репродуктора, обрывки мелодий и песен. Я забываю их, и только голос мамы издали, сквозь годы, будит меня.

Я просыпаюсь, сажусь на кровать, с трудом открываю глаза. Сквозь плотную штору пробивается тонкая полоска утреннего света. Рано вставать мне так же, как в детстве, не хочется, но на тумбочке тихо вибрирует будильник телефона, напоминая, что новый день начался, и пора выходить

на кухню готовить завтрак для семьи...

За школьные годы мне так и не удалось дослушать до конца ни один радиоспектакль. К этим произведениям я возвращалась позже – читала, смотрела спектакли и кинофильмы. Заново знакомилась со сказками и пьесами, в исполнении уже других актёров. Но очаровательный голос Юлии Борисовой по-прежнему звучит в памяти, как песня начала нового дня.

КЛЮЧИ ПОД КОВРИКОМ

Ключи – дело наживное. Но для человека главное – не только их нажить, но и не потерять.

Сразу после свадьбы Стас и Маша купили квартиру. Молодые хозяева были несказанно рады и горды: это их первый общий дом. Родители молодых были в ужасе: квартира уже при её покупке «говорила», что денег потребуется прорва.

Внутри комнаты были совсем разбитые, без потолка и пола. Вообще-то потолок и пол были, но в виде бетонных плит. Прежние владельцы разломали всё, что можно, и теперь новая квартира мрачно демонстрировала свои ободранные внутренности. Она находилась на двенадцатом этаже многоэтажного дома, на стыке двух трасс. Непрерывно проносившиеся машины обрушивали на жильцов нескончаемую волну шума.

Но молодёжь не смущали ни шум улицы, ни отсутствие ремонта. Они торопились начать самостоятельную жизнь. Ключи от собственной квартиры были первым шагом к этой жизни. С восторгом они ходили по будущим комнатам среди тёмных бетонных плит, планировали и мечтали. Маша непременно хотела просторную гостиную, где можно было встречаться с друзьями, Стас – место для тренажёров и спортивного инвентаря.

С молодым задором и энтузиазмом они кинулись обустроить

ивать своё гнёздышко. Архитектор нашёлся быстро. Сделали проект и дизайн. Ребята и сами творчески подошли к ремонту: просмотрели многочисленные картинки дизайна, интерьеров. На небольшую площадь втиснули всё, что надо. Стас и Маша уже представляли свою спальню и стол на кухне.

В их мечтах всё было залито солнцем и расцвечено мягкими красками. Свободное время они проводили на строительных рынках и магазинах. Материал для отделки выбирался с особым трепетом. Но когда для ремонта всё закупили, оказалось, что это было самым простым.

Проблемы только начинались.

Рабочих найти было невозможно. Искали долго, молодёжь переживала, что ремонт не начнётся никогда. Приходили опытные прорабы, деловито осматривали квартиру, рассказывали, что и где надо ломать, менять, называли цену, за которую можно было купить ещё одну квартиру.

Другие приходили, явно оторвавшись от рюмки, еле ворочая языком, ничего членораздельно сказать не могли, но стоимость работ называли твёрдо. С большим трудом всё утряслось, даже удалось найти почти нормальных с виду рабочих. Прораб был рекомендован знакомыми. Наконец-то ремонт начался.

Каждый вечер Стас и Маша торопились в свою квартиру, надеясь увидеть, как разрушенные комнаты приобретают очертания жилья. Пока очертания не просматривались, а надежды разбивались о горы мусора. Демонтировались стены,

полы, разрушались перегородки.

Будущее гнёздышко всё больше и больше напоминала заброшенное бомбоубежище. С потолка свисали оборванные провода и слои штукатурки, мелкими струйками сыпались пыль с песком. По стенам редкими клочками болтались обои с признаками оставшейся позолоты, загибаясь причудливыми формами, как оборки от драного платья королевы. Всё было покрыто пылью и осколками бетона. Уставшие рабочие пили чай.

На вопрос молодых хозяев квартиры: «Когда будет конец ремонта?» — следовали профессиональные ответы: перегородки сделаны из очень прочного бетона и с трудом поддаются демонтажу, слоёв штукатурки так много, что приходится снимать очень аккуратно, чтобы не упал потолок. Многослойные обои также не отдираются, и их надо долго отмачивать.

Прошла неделя, другая. Наконец всё было демонтировано, снято, ободрано. Квартира и общий коридор были завалены строительным мусором, как символ расчистки старой жизни, слой пыли нежно обрамлял двери соседских квартир. Ребята тихонько пробирались сквозь завалы, стараясь не встретиться с соседями.

Рабочие опять пили чай.

На немые вопросы хозяев, которые застывали на пороге, открыв рты и выкатив от ужаса глаза, рабочие давали очередные профессиональные ответы: во дворе отсутствуют кон-

тейнеры для строительного мусора. Когда они появятся, никто не знает. За вынос мусора надо дополнительно приплачивать. Молодые хозяева приплачивали.

Горы мусора исчезали, оставалась только пыль, в которую все проваливались по щиколотку. После недолгих переговоров и ещё одной, совсем небольшой суммы, пыль с соседских дверей была собрана, оставив после себя лишь небольшие живописные разводы.

Наступил следующий этап – черновые работы. Процесс мало чем отличался от предыдущего, но грязи было уже меньше. Делались смеси из песка и цемента, наносились на стены, потолок и пол. Сохло всё по нескольку дней. На робкий вопрос: «А когда обои клеить будете?» – ответ был, как и всегда, убедительный и профессиональный: штукатурке необходимо хорошо просохнуть и закрепиться. На мокрые стены клеить обои нельзя. А то, что стены и потолки кривые – это вина самих потолков и стен.

Маша и Стас долго рассматривали выполненные работы, пытаясь понять, почему стена наклоняется, а край потолка устремляется к полу. Робко, но настойчиво они просили рабочих выровнять и переделать, и в их присутствии даже что-то исправлялось, но всё сводилось к тому, что надо купить ещё песка, ещё цемента и ещё всяких смесей. Рабочие уверяли, что после этого всё выровняют и закончат работу в сроки. Молодые уходили с надеждой.

Затем рабочие пили чай.

Наконец черновые работы были завершены, и квартира замерла в ожидании белоснежной плитки, элегантных обоев и пола. За выполненные работы рабочие просили расчёт. Молодые люди измучились и мечтали расстаться с рабочими навсегда. Стас уже был готов доделать всё сам, Маша по этому вопросу отмалчивалась. Ей было жалко обижать людей, которые кормили семьи, и пугала мысль о поиске новой бригады.

В день расчёта, неожиданно для рабочих, прораб появился в квартире в сопровождении одной из родительниц. Рабочие, увидев её, сразу поняли: пришла Тёща. Она медленно ходила по комнатам, показывая пальчиком на стены, пол и потолок. Хорошо поставленным голосом, достойным чтения лекции или романтических стихов, она перечисляла:

– Стык стен должен быть ровным и проходить ниточкой от пола к потолку! Стены и пол необходимо выровнять! Никаких наклонов и ям с буграми! Мусор вынести и убраться!

Устав от пыли и грязи, она закончила:

– Всё хорошо! Но всё надо переделать! Через два дня придё.

Тёщу сменил прораб. Он не перечислял недостатки, он читал первый том книги «Русский мат». Впрочем, эту книгу он знал наизусть, причём с самого детства. Рабочие кучкой стояли у бетонной стены, как партизаны перед расстрелом, поддерживая друг друга, кивали головами и уверяли, что всё будет переделано и исправлено. Они клялись, что всё выпол-

нят в срок, но сейчас им очень нужны деньги — надо что-то кушать самим и отправлять семьям. Деньги за эти работы им всё-таки заплатили.

Чай в этот раз никто не пил.

Ребята опять пришли на следующий день. Они надеялись, что после вмешательства Машиной матери рабочие устранят все недостатки и завершат ремонт в срочном порядке, как обещали.

Дверь оказалась на замке.

Молодые хозяева звонили, стучали, прислушивались. Никто не открывал. За дверью была тишина. Стоя перед закрытой квартирой, они поняли, что отдали рабочим единственный комплект ключей. Их охватило беспокойство. И не только за свой, ставший уже родным дом, но и за рабочих.

Все были издалека и без регистрации. Мысли в голове путались. Что же могло случиться? Возможно, им нужна помощь, или они попали в полицию. Что внутри квартиры? Что с инструментом и материалом?

Несколько дней прошло в тревожном ожидании. Ждали звонков из полиции, от рабочих. Звонили сами. На звонки никто не отвечал. Все номера были недоступны. Дни тянулись гнетуще медленно, беспокойство не отступало, непонимание усиливалось.

С большим трудом удалось дозвониться до прораба. Тот тоже не знал, куда исчезли его рабочие, и подключился к поискам. По цепочке гастарбайтеров он дозвонился до далё-

кой деревушки в необъятном пространстве сёл и деревень, отправляющих работников на заработки. Затерявшиеся работники, получив деньги, уже сидели по своим хатам и пили чай. Они по-своему выполнили требование тёщи: «Убраться!»

Прораб понёсся на квартиру, где под дверью его уже ждали Стас и Маша. Стас приготовился ломать дверь. Поддел стамеской замок, навалился плечом на дверь, ногой упёрся в коврик. И тут почувствовал, что ноге что-то мешает...

Он поднял коврик – и все застыли от неожиданности. Под ковриком лежали такие драгоценные ключи от квартиры, с которыми все уже мысленно попрощались.

Затаив дыхание, Стас поднял ключи и открыл дверь.

Со страхом все вошли в квартиру. Инструменты и материал лежали на своих местах. В квартире даже присутствовал какой-то порядок, не было грязи и строительного мусора. Но стены и потолок всё так же мрачно смотрели из-под сизой штукатурки, смущаясь своей наготы и кривизны. Комнаты в тревожной тишине ждали продолжения ремонта.

Прораб стоял в дверях, онемев. Впрочем, по его лицу было видно, что мысленно он декламирует второй том «Русского мата». В его практике рабочие впервые удрали, не закончив ремонт.

Стас и Маша безмолвно стояли посреди печальных стен. Обои, диваны и тренажёры были по-прежнему всё так же далеки. Молодёжь ещё не знала народную мудрость: ремонт

можно начать, но закончить его невозможно. Ремонт можно только продолжить. И сейчас они поняли: мудрость приходит с опытом.

Ремонт надо было продолжать. Ведь самое главное было с ними – их новая квартира. И теперь они знали, что ключи от неё они никогда никому не отдадут.

Неплохо, конечно, обнаружить в трудную минуту ключи под ковриком. Но всё-таки лучше их никому не доверять.

НАТАЛЬЯ КАЗАКЕВИЧ

“

*Нет сердцу нашему
вещей дорожке,
чем те, кто память
о родных хранят...*

ДОМОТКАНОЕ ПОЛОТЕНЦЕ

Сказка-быль

*Моей прабабушке Марье, крестьянке деревни
Яковлево Тверского уезда и губернии, посвящается*

– Да, жизнь моя удалась, – размышлял льняной холст, лёжа на полке в доме у правнучки своей первой хозяйки. – Всё сложилось как нельзя лучше для меня с самого начала: лён уродился в тот год хороший, успел вызреть, не перестоял, не стал ломким, вымочили меня в меру, бабы постарались, промяли все бока, а потом вычесали, не оставив колючек на длинных стеблях. Пряжа попалась умелая: нить скрутила из кудели тонкую, ровную. Соткали холст крепкий, ткань хоть на сарафан, хоть на рубаху. Была бы нить и ткань погрубее, попал бы в портянки, а там век недолог – полгода, год, и полетишь в печь, никто стирать и штопать рванину не будет.

А моя-то хозяйка готовила приданое к своей свадьбе, и выбрала меня, как самый светлый и гладкий холст, на полотенце. И однажды вечером моя Марюшка села в горнице на лавку у окна, зажгла лучину, приготовила две иголки с красной и чёрной нитью, да как начала тыкать ими мне в бока!

– Ой, ой, ой! – завизжал я. – Зачем ты меня колешь? Ну-

ка прекрати сейчас же, а то обижусь и порвусь на самой середине!

Это сейчас я всё знаю про точечный массаж, про лечение иглоукалыванием, наслушался радио в двадцать первом веке, а тогда, в веке девятнадцатом, я ещё был молодой, неопытный и очень разобиделся на эти иголки. Всё тело болело от уколов. Зажмурил я глаза и думаю: будь что будет, я терпеливый.

Когда уколы прекратились, я один глаз приоткрыл, чтобы подглядеть, убрали ли ненавистных мне обидчиц, и вижу, что по краю моего полотна раскинулись красные гроздья рябины на чёрных веточках. Таким узором, по тверской традиции, украсила меня хозяйка. Значит не напрасно я терпел эти уколы, из простого холста я превратился в полотенце с вышивкой.

По краю проредила хозяйка нити, связала пучками – вот и бахрома. Не смотри, что пичужка шестнадцати лет, всё справила как надо. Только я оправился от иглоукалывания, смотрю, кладут меня в большой тёмный сундук и везут куда-то на лошади.

– Эй! – стал я стучать в стенки. – Вы куда это меня везёте? Мы так не договаривались, красоту такую в тёмном сундуке держать.

Привезли в незнакомый дом, расстелили на столе, положили на меня каравай с солью.

«Вот странные люди, – думаю я, – перепутали меня со ска-

тертью». Только собрался я объяснить, как со мной надо обращаться, как услышал радостный крик: «Едут! Едут! Мама-ша, берите полотенце с караваем, встречайте молодых, тятка с образами уже на крыльце стоит».

Меня подхватили тёплые руки, и я поплыл навстречу новой семье. На мне им хлеб-соль подавали на пороге родного дома после венчания.

Я благословлял их на долгую и счастливую жизнь, а когда склонили они надо мной головы, то упали вдруг на меня две капельки, а ведь дождя-то в тот день не было.

Да, начал я свою жизнь в семье очень хорошо, был главным на торжественной церемонии. Потом меня повесили в избе в красный угол, на иконы. Я чувствовал свою значимость, мне кланялись при молитве, на меня бросал взгляд каждый входящий в дом, почтительно здоровался со мной. Я наблюдал жизнь семьи, набирался мудрости.

Однажды пришли в дом гости, как сейчас помню, готовились к рождению первенца. Меня сняли с образов, я помылся, подсушился и вдруг оказался в тёплой тёмной бане, пахло берёзовым листом, хвоей, кто-то рядом громко дышал.

– Ой, куда это вы меня принесли? Я не привык к темноте, несите меня обратно, – как всегда, меня не услышали.

«Ну я вам сейчас покажу, – подумал я, – буду жёстким, грубым, узнают, как относиться ко мне непочтительно!»

Вдруг я услышал крик младенца, всё во мне заволновалось, мои ниточки размякли и приняли в свои объятия красного, сморщенного, голосащего от страха мальчишку. Я почувствовал, как трепетала завёрнутая в меня новая жизнь, видел счастливые глаза хозяйки, ставшей матерью, и разделял с ней эту радость.

Пришли в баню отец, бабка с дедом, все старались поддержать на руках верещавшего малыша, завёрнутого в меня. Я нежно обнимал его, баюкал, шептал ему на ушко.

– Смотрите, – сказала бабка, держа икону, – холст-то как его успокоил, что значит намоленный.

С тех пор стало семейной традицией: каждого ребёнка после обмывания, заворачивать в моё льняное полотно. Я согревал малыша, шепча ему: «Живи... Пусть стучит твоё сердечко, наполняются силой и растут твои ручки и ножки».

В ту пору много детей рождалось у крестьян, но не все они вырастали, многие умирали в младенчестве, поэтому я и старался дать им силу, у меня это получалось. Десять детей выросли в семье и стали взрослыми, и в этом есть моя заслуга. Вместе с мамой и бабушкой я участвовал в купании, врачевании ребятишек.

Полежу за образами, а как понесут меня мыть, да сушить в баню – знаю, сейчас ещё один горластый на свет появится. Я даже по весу научился определять, в кого пошёл ребёнок: если лёгонький да маленький, значит в хозяйку мою, хлопотунью-воробышка, а если басистый да большой, то в хозяина-кузнеца.

Дети росли, помогали родителям с хозяйством. Прошло два года с рождения последней малышки в тысяча девятьсот пятнадцатом году, и началась какая то смута в деревне, все суетятся, спорят.

– Мамаша, велели снять иконы в доме, уберите их хотя бы из переднего угла!

Вот тебе и на, сколько лет я верой и правдой служил, в почётном углу висел, а теперь и меня вместе с иконами убрать в сундук?

– Руки прочь от меня, не трогать! – кричу я, но люди оста-

лись глухи к моим воплям.

Повесили меня рядом с умывальником, на крутом коровьем роге. Я сначала возмущался, был твёрдым, грубым.

– Я почётное полотенце, нечего тянуть ко мне свои руки! Тряпок, что ли, вам мало для вытирания?

Хозяйка вылечила мою гордыню рубелем. Как промял мне бока этот холодный утюг пару раз, так я сразу всё понял, размяк, особенно когда вспомнил, что это все мои воробышки маленькие, я их в жизнь принимал, мои хозяева дорогие.

Стал я обиходным полотенцем, свергли меня с престола, но я не в обиде. Помню я прикосновение шёлковых щёчек детишек после умывания, помню, как вытирал влажные носики и лечил содранные коленки.

Помню твёрдые мозоли на горячих мужских ладонях, все в трещинах и морщинах, куда въедалась земля и копать из кузницы. Помню рубцы от ожогов горячим металлом у хозяина – без этого кузнецу не прожить – и тогда я врачевал, напрягая всю свою льняную прохладу, успокаивал жар, охлаждал раны.

Всем я был нужен. Чуть только кто утащит меня от умывальника, сразу слышны голоса: «Где полотенце? Давайте его сюда!» Десять детей в семье, за всеми разве уследишь? Нужен глаз да глаз.

Шли годы, моих хозяев не стало, их младшая дочь забрала меня к себе в дом, положила в сундук, в память о родителях.

Времена шли трудные, голодные, тканей было мало, пришлось мне снова потрудиться, но я люблю служить людям, в этом моё предназначение.

Прошли тяжёлые дни, стали появляться в доме новые, мягкие, сначала вафельные, а потом и махровые мои собраты. Меня отдали хозяину, а он человек мастеровой, вытер руки с неотмытой смазкой, и въелось в меня масляное пятно. Взрослая внучка, считай моя правнучка, замочила меня в порошке. Ох, и жёг он мне бока, я ёжился, скрипел, пыхтел, но пятно так и прилипло ко мне.

– Надо отбелить его, – услышал я чей-то совет.

– Нет! – закричал я. – Не хочу химии, отбелите меня в снегу, на морозе!

Но никто меня не услышал. Пришлось вытерпеть ещё одну пытку.

– Всё, больше стирать его не буду, – услышал я с облегчением. Ну, думаю, прошли мои мучения, но не тут-то было, главные испытания были впереди.

Стал я замечать, что из дома исчезают старые мои знакомцы, с которыми я жил бок о бок долгие годы, часто зазвучало слово «музей». Понял я, что туда уходят и не возвращаются мои друзья.

– Меня не отдадут, – успокаивал я себя, – кому я нужен? Мало, что ли, полотенец на свете?

И вдруг однажды я услышал, как правнучка моей хозяйки разговаривала с музейщиками, собирая вещи для деревен-

ского музея:

– Это полотенце мне очень дорого, оно домотканое, его хранила в сундуке моя бабушка, – услышал я, – а ткала его и вышивала прабабушка Марья, я отдам его в музей, если только оно будет лежать под стеклом и никуда не пропадёт.

– Не отдавай меня! – закричал я что было силы, но получился только лёгкий шорох ткани.

Я оказался в «доме престарелых вещей» – так мы между собой называли музей. Нет, нас там не обижали, берегли, отмывали от грязи, залечивали раны. Некоторые погибли бы на свалке, если бы их не спасли. Грех жаловаться.

В музее лежишь себе, дремлешь, всё бы хорошо, но стала оседать на мне музейная пыль. Чуть только входная дверь открывается, пыль со сквозняком и перелетает с места на место. И очень ей понравились мои гладкие бока, стала она в них въедаться.

– А ну кыш, пернатая! Разлеталась тут как дома, бездельница, тряпки мокрой на тебя нет! – гнал я её, но пыль и не думала улетучиваться, стала моей квартиранткой. И тогда я придумал, как от неё избавиться. Как придут гости, я начинаю шевелиться, пыль взлетает и попадает им в нос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.